

А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян

Новые данные о материальной культуре древней Армении

Археологическое изучение Армении протекает неравномерно. Мы хорошо осведомлены относительно материальной культуры эпохи бронзы, Урартского государства, армянского средневековья, но отрезок времени с VI в. до н. э. по III в. н. э. почти совсем не исследовался археологами. Предпринятыми в послевоенные годы систематическими раскопками крепости Гарни было заложено начало научного изучения этого периода. Раскопки в Гарни в значительной мере обогатили наши знания по ряду отраслей материальной культуры первых веков н. э. Явно недостаточно знаем мы материальную культуру ахеменидского времени (VI—IV вв. до н. э.). Мало также сделано в направлении изучения сложившейся в первые века до н. э. в Армении эллинистической культуры.

Для изучения культуры VI—IV вв. несомненный интерес представляет погребение, раскопанное в Джрарате, сходное по материалам с теми предметами более позднего времени (VI—IV вв. до н. э.), которые были находимы при исследовании могильников эпохи бронзы и железа. [Такие материалы были доставлены из Ворнака (раскопки Н. Я. Марра), Качагана (раск. А. О. Мнацаканяна), Кармир-блур (раск. А. А. Ваймана и А. А. Мартиросяна), из Атарбекияна (раск. А. О. Мнацаканяна), Ахлатяна (раск. М. С. Асратяна), Арин-берда (раск. К. Л. Оганесяна), Иджевана (раск. С. Есяяна), Кировакана (раск. Э. Ханзадян)]. Уже давно назрела необходимость их углубленного исследования и в этом плане особое значение приобретает изучение материалов Джраратского могильника, как первого комплекса находок.

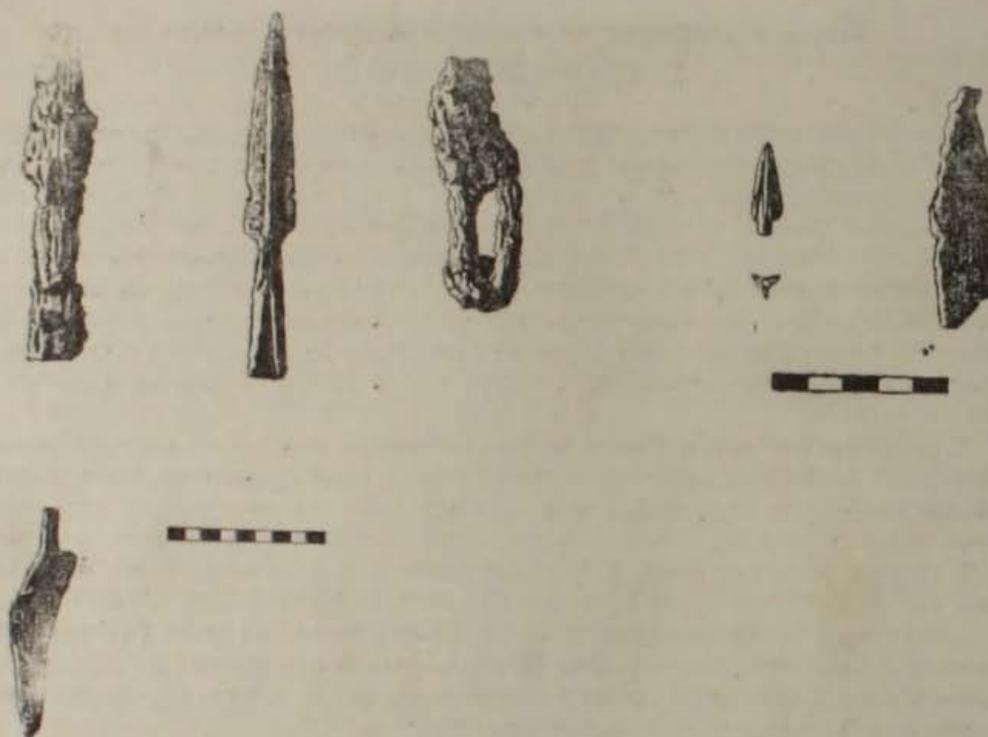
В 1954 году археологическая экспедиция Гос. исторического музея Армении под руководством А. О. Мнацаканяна, продолжая начатые еще в 1952 г. работы в Ахтинском районе (примерно 50 км севернее Еревана), приступила к раскопкам кургана энеолитического времени около села Джрарат (б. Рындамал). Во время этих работ на восточном склоне кургана был обнаружен каменный ящик, расположенный с запада на восток (длина 3,10 м, ширина 2,45 м). Стенки могилы сложены из широких и узких плит, высота которых достигала 1,10 м, полом ее служили плиты, сверху же она была засыпана камнями.

При раскопках могилы были обнаружены остатки своеобразного ложа с невысокими бортами, изготовленного из тонких досок. Это ложе стояло не в середине погребения, а ближе к его северной стене. Вдоль западных и южных стен были расставлены десять глиняных кружек. В Гос. историческом музее Армении хранится часть этого ложа с остатками скелета (кости рук) и различными предметами (нож, кинжал, браслеты с выгибом). Большинство скелетов лежало именно на этом ложе. Несколько скелетов были найдены в определенно согнутом положении, об остальных трудно судить, так как кости находились в перемешанном виде. Судя по числу найденных черепов (29) перед нами коллективное захоронение. Было найдено много предметов, которые дают некоторое представление о материальной культуре древней Армении.

Предметы вооружения

Наконечники копья. Тб. 1. Их было найдено четыре. (№ коллекций 1940, № 19—22). Это маленького размера копья (от 17,5 см—20,5 см), имеющие полую втулку с двумя отверстиями для закрепления древка. Лезвие со срединным ребром имеет удлиненную форму с расширением у основания. На территории Армении были уже най-

дены наконечники копий, которые по своим формам и размерам близки Джраратским. Такими являются наконечники копий, хранящиеся в Гос. историческом музее Армении. [Из Ворнака (№ 697/2, раск. Н. Я. Марра), Качагана и Атарбеяна (№ 1892/17, № 1925/34, раск. А. О. Мнацаканяна) и из Октемберяна (случайная находка, № 1578)]. Обычно они датируются VII—VI веками до н. э., но их возможно отнести и к более позднему времени.

Тб. 1. Предметы вооружения (Джрарат).

Более точную хронологическую опору дают материалы из Грузии. Раскопками Б. А. Куфтипа в Тriaлетском районе был открыт могильник у селения Бешташени, датируемый раннеахеменидским временем—конец VI в. до н. э. Происходящий из этого могильника наконечник по своим формам и размерам соответствует Джраратскому¹. На территории Азербайджана из Мингечаура в датируемых VII—V вв. до н. э. грунтовых погребениях найдены наконечники, которые также можно привлечь в качестве аналогии². Наконец, следует упомянуть наконечник копья из Персеполя, тоже сходный с приведенными³, датируемый, очевидно, V—IV вв. до н. э.

На основе материалов из Хртаноца (раскопки 1929 года) было предложено разделение наконечников копий эпохи широкого освоения железа на две группы⁴. В первую группу включены все образцы большого и среднего размера (27—45 см) с лезвием сильно расширяющимся у основания и затем постепенно суживающимся; во вторую—маленького размера, миниатюрные наконечники (15—27 см) с листовидным лезвием, часто без срединного ребра.

¹ «Археологические раскопки в Тriaлети», Тбилиси, 1941, рис. 43.

² С. М. Казиев. «Археологические раскопки в Мингечауре», Материальная культура Азербайджана. (в дальнейшем, М. К. А.), т. 1, рис. 21.

³ E. Schmidt, „Persepolis, II. Chicago, 1957, тб. 76.

⁴ См. А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, стр. 20, 67—68, и тб. 1.

Если мы попытаемся связать Джраратские наконечники копий с одной из отмеченных групп, то выяснится, что своими размерами Джраратские наконечники близки ко второй группе, а с точки зрения формы к образцам первой группы.

Наконечники копий из других памятников эпохи широкого освоения железа дают большее разнообразие форм, чем их представляет вышеупомянутая классификация.

Так, например, известны наконечники копий крупного размера, но с листовидным лезвием, не входящие ни в одну из предложенных групп⁵.

Наконечник копья из Нор Баязетского района (№ 20/36) в Государственном историческом музее Армении (в дальнейшем, Г. И. М. А.) по своим размерам относится к первой группе, по своей форме же приближается более ко второй группе.

Наконечник копья огромных размеров из Атарбекяна (№ 1925/24 Г. И. М. А.) из-за своеобразной формы лезвия с трудом можно будет включить в одну из этих групп.

Из сказанного вытекает, что в эпоху широкого освоения железа имелось большое разнообразие наконечников копий, среди которых возможно подыскать и для Джраратских форм более или менее приемлемый прототип. Среди вещей Муханского комплекса (раск. А. О. Мнацаканяна, 1952), определенно датируемого эпохой широкого освоения железа (по браслетам с глубокими насечками и характерными ножами), имеется наконечник копья (Г. И. М. А. № 1921/4), который по форме втулки и лезвия, а также по размерам (20 см) близок к рассматриваемым Джраратским типам. Таким же предшествующим типом следует считать наконечник из Такавораниста (Г. И. М. А. № 1862/5), длина 23,5 см. Таким образом, ясно, что Джраратские наконечники имеют своих типологических предшественников среди наконечников копий VII—VI вв. Вместе с тем, нам кажется, что они не являются единственными для своего времени. Остальные типы эпохи широкого освоения железа продолжают бытовать и в последующие века и наилучшим доказательством этому служит Гарнийский археологический материал. В погребениях первых веков н. э. встречаются например оба Хртаноцских типа⁶ (тб. 6, 111).

Ножи. Железные ножи с кольцом на ручке представлены как довольно редкий тип для армянского нагорья. Среди инвентаря погребения из Джрарата имеются три таких ножа (№ 116 имеет 21 см в длину, № 115 и № 1 значительно более меньше по размерам). На территории Армении такие ножи известны из Алавердского района, один из Ахтала и два из Мусиери⁷; подобный же нож хранится в Эрмитаже из раскопок Такайшвили в Ягдане (длина 15 см, сильно окислен, № 16822).

Отдельную группу образуют миниатюрные ножи (№ 107, 109, 110, 117). Несмотря на то, что все они сильно повреждены, выясняется, что это 7—8-сантиметровые ножи с узким черенком. Такие ножи нам известны из Астхадзора (раск. А. Мнацаканяна, 1952 г. Г. И. М. А. № 41, комплекс датируется IX—VIII вв.), а также из Хртаноца и относятся к VII—VI вв.⁸ Такие же ножи с четко оформленным черенком можно встретить в Гарни в погребениях первых веков н. э.⁹

Кинжалы. Этот вид оружия представлен одним экземпляром (№ 1, на фрагменте лезвия), имеющим изогнутый клинок и четко оформленный черенок (длина 13 см). Происходящий из Гарнийских погребений первых веков н. э. кинжал, с прямым клинком¹⁰, следует рассматривать как прямое продолжение этого типа.

В Джрарате были найдены также бронзовые наконечники стрел скифского типа. Один из них хорошей сохранности (№ 89, длина 2,6 см), остальные два хуже (№ 90 и 91). Это трехгранные наконечники, с полый втулкой. Грани косые, имеют косые срезы у втулки. Такого типа стрелы нам известны из Кармир-блурд. Например, раскопки 1958 г. дали 5 штук (Г. И. М. А. № 2051/30). Близкими к Джраратским типам надо

⁵ J. de Morgаn, „Mission scientifique au Caucase“ т. I. Paris, 1889, рис. 47, № 1.

⁶ Б. Н. Аракелян, «Гарни», II, Ереван, 1957, рис. 10.

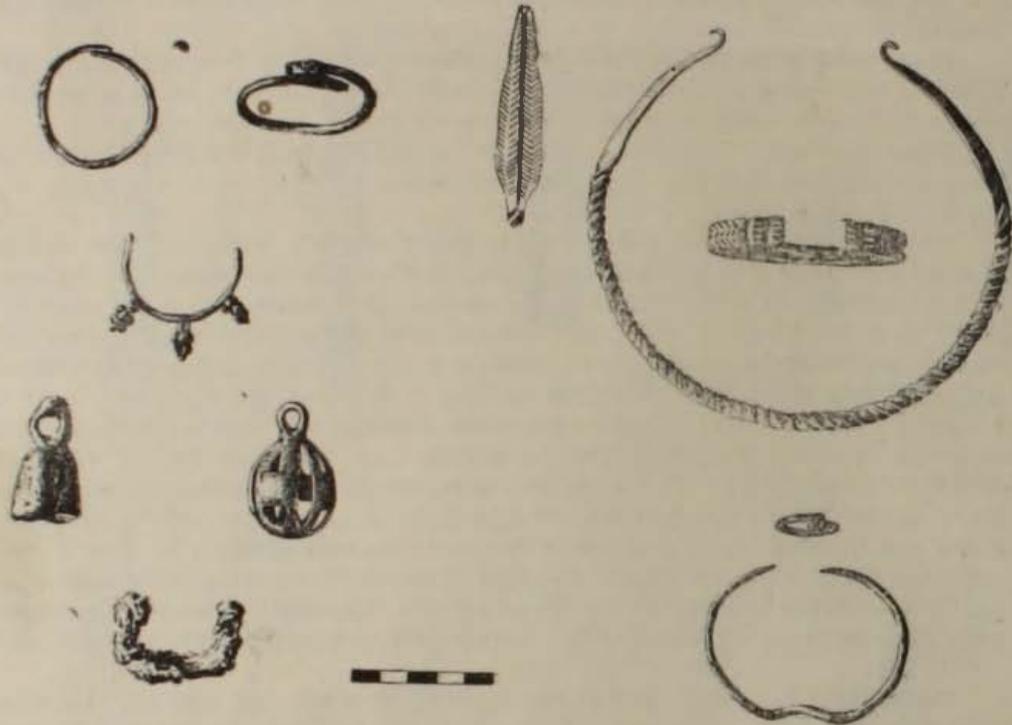
⁷ J. de Morgаn, ук. соч., рис. 125.

⁸ Мартиросян, ук. соч., стр. 21, 70.

⁹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., рис. 12а № 32/521, стр. 47.

¹⁰ Б. Н. Аракелян, ук. соч., рис. 11, № 90—51.

считать трехгранные стрелы с выступающей втулкой, но с дугообразными гранями. Этот тип стрел также представлен в урартское время, судя по раскопкам Кармир-блур, но находил применение, наряду с Джраратским типом, и в послеурартское время. Наконечники стрел типа Джраратских мы встречаем в грунтовых погребениях Мингечаура, которые предшествуют карасным погребениям и датируются VII—V вв.¹¹

Тб. 2. Металлические украшения (Джрарат)

Металлические украшения. (Тб. 2). Витые гривны, бронзовые (№ 43—46, 69, ширина 13,5—16 см). Изготовлены они из толстой проволоки, с уплощенными широкими окончаниями, завернутыми в крючок. Такие гривны встречаются в большом количестве в эпоху широкого освоения железа, как, например, в погребениях Алавердского района¹², Хртаноца и Головино¹³. Важно то обстоятельство, что подобные золотые гривны имеются в комплексах, датируемых более поздним временем, и тем самым способствуют датировке археологического материала из Джрарата. Так, подобная гривна встречена среди предметов Ахалгорийского клада, датируемого, как известно, V—IV вв.¹⁴, и среди вещей Сидонского саркофага царя Табнида¹⁵. Наряду с витыми гривнами имеются гладкие, также проволочные, гривны с крючками у концов. (№ 48, ширина 12 см и № 47, обломки). Они часто встречаются в эпоху широкого освоения железа¹⁶.

Интересную группу составляют браслеты, некоторые из них со всей очевидностью примыкают к браслетам эпохи широкого освоения железа, а другая часть характерна для более позднего инвентаря.

¹¹ С. М. Казиев, ук. соч., рис. 18-д и стр. 27.

¹² J. de Morgan, ук. соч., рис. 68.

¹³ Мартиросян, ук. соч., тб. VII, VIII, XIII, XVI.

¹⁴ Я. И. Смирнов, Ахалгорийский клад, Тбилиси, 1934, тб. 1, 4.

¹⁵ Hamdy-Beu, Th. Reinack, „Une nécropole royale à Sidon“ Paris, 1892, стр. 104, рис. 45. См. Смирнов, ук. соч., стр. 6—7.

¹⁶ J. de Morgan, ук. соч., тб. 68. Мартиросян, ук. соч., тб. VII, XV.

В этот входят в основном так называемые браслеты с выгибом, которых оказалось довольно много в Джраратском погребении. Только на сохранившемся в музее обломке ложа насчитывается приблизительно 20 таких браслетов, надетых на обе руки. Имеются еще 13 цельных и обломки от 20 других. Большинство из них провололочные, круглые в сечении или приплюснутые (диаметр 5—6 см). На концах некоторых имеются насечки, которые напоминают голову какого-то стилизованного животного (может быть змеи). С территории Армении нам известны многочисленные браслеты с выгибом, найденные в комплексах или отдельно. Из Атарбекяна (№ 1925/18, 24 и т. д.), из района Нор Баязета (20/172 две), из Бджни (№ 319/7), из Ахбаша (№ 1400), из Кармир-блур, раск. города 1948 года, из Гарни¹⁷, из Двина (№ 1917/180), из Ани (№ 4469, с «змеевидными» концами), также среди материалов бывшего Эчмиадзинского музея (№ 704).

Прототипами этих браслетов принято считать золотые браслеты с выгибом, бытовавшие в ахеменидском культурном мире. Такие браслеты известны из Аму-дарьинского клада и датируются V веком¹⁸, в Сузах они датируются IV веком¹⁹, а на острове Кипре в основном V—IV вв. до н. э.²⁰

Учитывая вышеуказанное обстоятельство, браслеты указанного типа принято считать датирующим элементом для ахеменидского времени. В Грузии они часто встречаются в Триалети, в могильниках Нерон-Дереси, Аглети²¹ и Западной Грузии²². Служа датирующим материалом для ахеменидской эпохи, эти браслеты продолжают бытовать в Закавказье и в последующие века, вплоть до начала нашей эры²³. Подобные браслеты мы встречаем в кувшинных погребениях западной Грузии, датируемых первыми веками до н. э.²⁴, а также в погребениях в кувшинах того же времени из Мингечаура²⁵.

Два браслета явно примыкают к формам браслетов эпохи широкого освоения железа. Первый (№ 49) толстый, массивный браслет, круглый в сечении, с плоскими волнообразными концами, украшенными насечками (ширина 7 см). Второй браслет (№ 53) также массивный, круглый в сечении, с разомкнутыми концами. Такие браслеты известны из Атарбекяна (ранний материал) (№ 1925/90), Астхадзора (№ 1908/912 два) Ворнака (Гос. Эрмитаж № 16930). Имеются еще и другие браслеты, аналогии к которым можно подыскать среди археологического материала из Матура, Ворнака, Астхадзора.

Подвески колокольчики (бронзовые № 102, 104 железный, 103) и ажурная подвеска-бубенчик встречаются на широкой территории с ранних времен (эпоха бронзы и железа). Такие колокольчики мы встречаем среди вещей Ахалгорийского клада, датируемого V—IV в. до н. э.²⁶. Правда, несколько меньших размеров и видоизмененными эти предметы доживают до первых веков нашей эры²⁷.

Были найдены также обрывки цепей (№ 95, 97), известных также из эпохи бронзы и железа, украшения в виде бронзовых трубочек (№ 123) меньших размеров, чем такие же предметы предшествующих эпох, связка бронзовых бус (№ 99), а также мелкие украшения из серебра (простой формы серьги и кольца).

¹⁷ Б. Н. Аракелян, Гарни II, рис. 44, № 90/55.

¹⁸ O. M. Dalton, „The treasure of the Oxus“ London, 1927.

¹⁹ J. de Morgan, „Delegation en Perse“ т. VIII, Paris, 1905, тб. 5.

²⁰ The Swedish Cyprus Expedition, Stockholm, 1937, тб. IV, XCII и стр. 283.

²¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., рис. 33.

²² Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в Мцхета, Тбилиси, 1955, стр. 59.

²³ Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 33.

²⁴ Г. Ломтадзе, ук. соч., стр. 59.

²⁵ С. М. Казнев, «О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях», М. К. А., т. III, рис. 4.

²⁶ Я. Смирнов, ук. соч., рис. 93.

²⁷ Гарни II, рис. 38.

Особое место занимают две подвески или серьги в виде образующей полукруг проволоки тремя выступающими наружу гроздьями (№ 86, 87).

Бусы. Каменные и из глиновидной пасты, разнообразной формы (№ 132—134), часто встречаются в погребальном инвентаре эпохи железа. Стекланные бусы образуют большую часть и имеют разную форму и разный цвет.

Имеются синего цвета бусы биконической формы (№ 130, 141), маленькие бусы цилиндрической кубической формы и бусы в виде плода (№ 133, 135), шаровидно-приплюснутые бусы, синие, черные, зеленоватые, светлого цвета некоторые с остатками позолоты (№ 136, 143). Аналогичный материал известен нам из Атарбекяна, поздний материал (№ 1925) среди случайных находок в Гос. Эрмитаже (№ 1759), а также с территории Грузии²⁸.

Бусы скарабеондной формы. (№ 128, 143). Они образуют также примечательную группу, так как по своей форме тяготеют к резным камням рассматриваемой эпохи. Один скарабеонд сердоликовый, остальные из стекла и камня зеленого и голубого цвета. По своей форме они явно напоминают жучков: нижняя часть их плоская, верхняя выпуклая и они имеют продольные отверстия.

Бусы из Джаррата также дают нам некоторые опоры для датировки погребения. Как мы видели, преобладают бусы из стекла. Учитывая это обстоятельство, небезынтересно сравнить набор бус из Джаррата с набором VII—VI вв., а также последующих веков. Если обратимся к бусам из Головино, то увидим, что здесь больше всего представлены каменные (сердолик, агат, яшма) бусы и пастовые, своеобразных форм (например, в виде домино) бусы. Занимают последнее место бусы из стекла²⁹. Интересно отметить, что это соотношение сохраняется еще в конце VI в. Стекланные бусы отнюдь не преобладают в инвентаре некрополя из Бешташени³⁰. Картина меняется, когда обратимся к материалам последующих веков. Так, например, число стекланных бус увеличивается в тех грунтовых могилах Самтавро, которые датируются VI—III вв. до н. э., а также в кувшинных погребениях из Самтавро, датирующиеся первыми веками до н. э.³¹. Датированные позднеехеменидским и раннеэллинистическим временем погребения из Триалети также содержат бусы в большинстве своем стекланные³².

Подытоживая наши замечания, надо сказать, что несмотря на то, что одной частью рассматриваемая коллекция бус связана древними материалами (особенно сердоликовые и агатовые) преобладающая часть, образуют бусы нового типа, главным образом, стекланные, предопределяющие состав и формы бус эллинистического времени (Гарни).

Керамика. (тб. 3).

Коллекция глиняной посуды из Джаррата богата и разнообразна. Определенная группа сосудов примыкает к керамике Армении и Закавказья эпохи железа и бронзы. Имеются формы, которые можно вывести с некоторыми оговорками непосредственно из урартских сосудов. Особое место занимает самобытная коллекция кувшинов.

Керамика древнего типа.

В эту группу входят миски двух типов. Первый тип с плоским дном и косыми расширяющимися стенками (№ 15, 17). Такого же типа сосуды, только из бронзы, имеются из Кармир-блур. Второй тип представлен обычными мисками с округлым дном с венчиком, вогнутым во внутрь или коротким вертикальным. Такие часто встречаются в погребениях эпохи бронзы и железа (Лчашен, Цамакаберд). Варианты этих ранних форм мы встречаем также в Триалети, в могильнике Нерон-Дереси, датирующиеся, как известно, позднеехеменидским периодом³³. Отдельную группу образуют маленькие горошки, шаровидные по форме (высота 6,5 см—9 см, диам. 8,5—9,5 см, № 1—3, 6).

²⁸ Б. Куфтин, ук. соч., стр. 31.

²⁹ Мартиросян, ук. соч., стр. 25, 86—87.

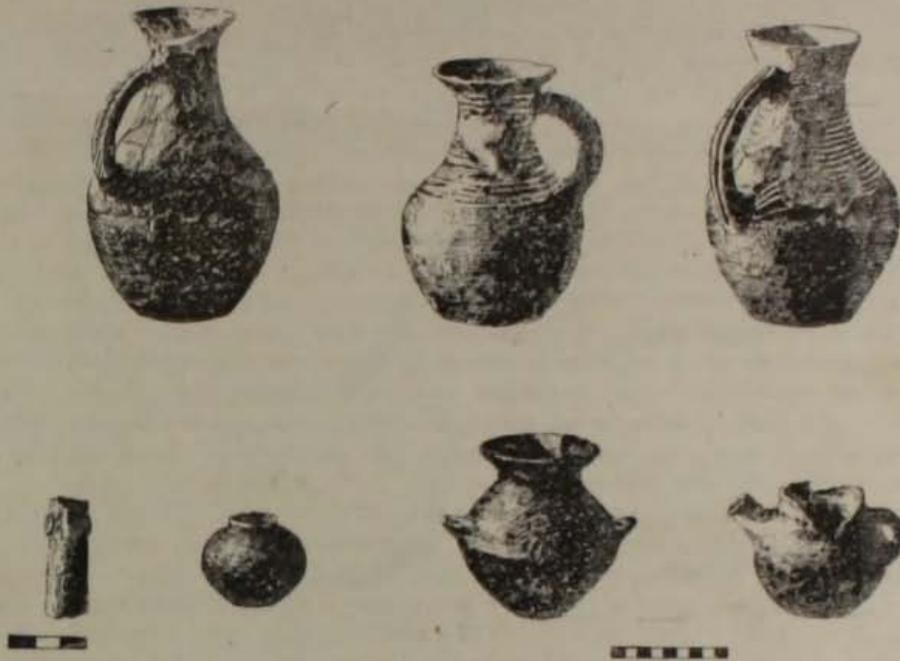
³⁰ Куфтин, ук. соч., 42.

³¹ Г. А. Ломтатидзе, ук. соч., стр. 57 и 60.

³² Куфтин, ук. соч., стр. 31.

³³ Куфтин, ук. соч., тб. IV.

Своим плоским дном, выпуклым туловом и узким горлом они непосредственно примыкают к распространенным на Кармир-блуре такого типа сосудам. Они продолжают существовать и в последующие века, и сходные формы мы встречаем в Гарнийском некрополе.

Тб. 3. Керамическая посуда (Джрарат).

Некоторые сосуды с выпуклым туловом, плоским дном и узким горлом (8, 9, 10), а также сосуд с биконическим туловом и раструбообразным венчиком (№ 11) оснащены своеобразными маленькими выступами, по два у наиболее широкой части тулова. Эти выступы также говорят о древних традициях, их можно встретить на сосудах из Хртапоцкой коллекции (№ 291/2, 4), а также из Муссиери из раскопок Моргана³⁴.

Обращает на себя внимание сосуд с носиком, типа «чайников» с кольцеобразной ручкой. Такие сосуды, правда больших размеров, известны из Бешташени (конец VI в.³⁵), из II слоя Суз (V и часть IV вв. до н. э.)³⁶. Рассматриваемая группа представляет собою обыкновенную кухонную керамику, незначительная часть которой изготовлена на круге.

Главное место в керамике Джраратского погребения занимает коллекция кувшинов, состоящая из 10 экземпляров (№ 31—40). Это разной величины сосуды с плоским дном, с выпуклым туловом, косыми плечиками, сравнительно узким, низким цилиндрическим горлом, расширяющимся раструбообразным венчиком и дугообразной ручкой. Высота их колеблется от 17 см до 30,5 см, ширина от 12 см до 20 см. Верхняя часть тулова и горло (№ 32—34) украшены концентрическими узкими поясами, вдавленными на сырой глине. На плечиках кувшина № 37 нанесены косые линии, образующие пояс. Часть кувшинов, изготовленных на круге, имеет тонкие стенки из чистой, хорошо обожженной глины. Остальная часть состоит из более массивных сосудов, с толстыми стенками и очевидно изготовлены от руки (№ 35—36, 38). Большинство кувшинов

³⁴ Морган, ук. соч., рис. 146, 146, 147, 158.

³⁵ Куфтин, ук. соч., тб. XV.

³⁶ См. R. Ghirshman, «Village perse—achéménide» Paris, 1954, тб. XXXIV.

светло-о цвета: светло-красного, кирпичного, светло-коричневого и серого. Как уже было сказано, все они оснащены дугообразными ручками, круглыми в разрезе. Внешняя часть ручек часто покрыта продольными поясками, состоящими то из косых линий, эллипсовидных и круглых углублений: бывают они украшены просто продольной глубокой линией. Это сосуды, находящие свое применение в хозяйстве, но, по-видимому, не непосредственно в кухне, а для хранения питьевой воды или вина.

Вся эта группа кувшинов, как и тождественные сосуды из Атарбеяна³⁷, является новостью для керамики древней Армении. Правда, не исключена возможность нахождения среди древнейшей керамики Закавказья единичных экземпляров (например, на Кармир-блуре), которые можно будет признать за типологических предшественников наших кувшинов. Вне всякого сомнения также, что некоторые виды декорации идут с более ранних сосудов. Так, например, обычай наносить глубокий пояс на ручке мы встречаем на многочисленных сосудах эпохи железа³⁸. Поясок на ручке из косых линий мы встречаем на сосуде из Алавердского района³⁹. Интересно, что этот вид декорации ручек передавался керамике более поздних времен. Нам известны многочисленные сосуды из Гарнийского некрополя первых веков н. э., ручки которых имеют продольные углубления, иногда даже двойные⁴⁰. Но невзирая на все это, своим внешним видом, формой, цветом и другими признаками рассматриваемая группа сосудов сильно отличается от керамики предшествующей эпохи, широкого освоения железа. Сосуды с ручками этой эпохи черного цвета, лощеные, и отличаются своими большими размерами, подчеркнута выпуклым туловом, своеобразным орнаментом, которыми покрыты стенки и кольцевидными или угловатыми маленькими ручками.

Было найдено 5 чаш, три из них цельных. (Тб. 4). Чаши № 13, 14 и 41 приблизительно одного типа. У них выпуклое дно, переходящее в высокий отогнутый наружу венчик. Переход подчеркнут и дается в виде выступа (высота 4,4—6 см, диаметр 11,6—13 см). На дне чаши № 14 с внутренней стороны имеется пятилучевой неглубокий орнамент. Четвертый сосуд № 12 имеет несколько иную форму. Дно плоское и низкое, венчик высокий и расширяющийся. Переход от дна к венчику так же подчеркнут (высота 11,2 см, диаметр 4,5 см). Пятый сосуд имеет дно плоское, но высокое и высокий косой венчик (№ 42).

Эти сосуды очень характерны для погребального инвентаря Закавказья в ахеменидское время. Так, Бешташенский могильник, который относится к раннеахеменидскому времени, дает приемлемые аналогии⁴¹. Близкие формы имеет также могильник позднеахеменидской эпохи около Нерон-Дереси. Эти сосуды имеют полусферическое дно, высокий венчик, и более глубокие⁴². Из погребений Мингечаура также известен такого типа сосуд⁴³.

Сосуд с округлым дном и расходящимися стенками происходит из послеурартского погребения на территории города Тейшебаини (Кармир-блур). (Издается А. А. Мартиросяном). Он напоминает хранящуюся в Британском музее серебряную чашу, найденную в Ерзинкяне, и которая, как известно, датируется V в. до н. э.

Имеется целый ряд таких чаш из сырцовых погребений около современного Кировабада. Это сосуды с полусферическим туловом, чуть косыми или же заметно расширяющимися стенками с ямочкой на дне с внешней стороны (тб. 5). Найденные ч

³⁷ См. А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбеяна в АрмССР, КСИИМК № 60, 1955, тб. V, стр. 31.

³⁸ См. сосуды из Хртаноца и Головино, а также из Алавердского района. Мартиросян, ук. соч., тб. XI, 6, 7, тб. XIII, 33. Morgal, уч. соч., тб. V.

³⁹ Там же, ук. соч., рис. 155.

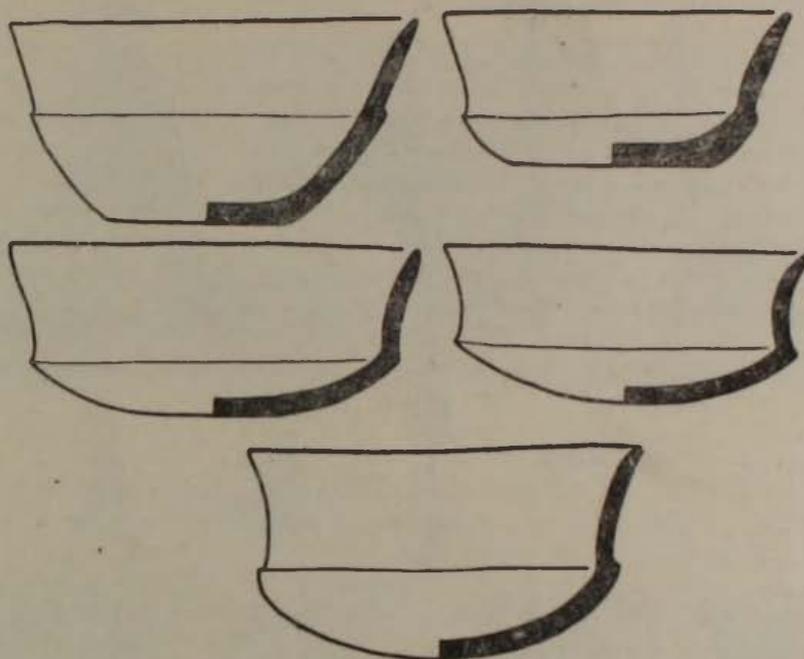
⁴⁰ Б. Н. Аракелян, Гарни II, тб. IX, X.

⁴¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., тб. XV.

⁴² Б. А. Куфтин, ук. соч., тб. IV.

⁴³ См. Н. В. Минкевич-Мустафаева, «О раскопках в Мингечауре», М. К. А., т. I, тб. VI, № 8.

погребениях римские и парфянские монеты позволяют датировать комплекс находок сырцовых могил I в. до н. э. и I в. н. э., но не исключена возможность, что некоторые из рассматриваемых там чаш более раннего периода⁴⁴. Возможно, что раскопанная Морганом подобная чаша, из красной тонкой глины⁴⁵, а также тождественная чаша из Цамакаберда (1922/14) синхронны Джраратским чашам. Сходный по форме сосуд, правда, из бронзы, имеется, наконец, из Персеполя⁴⁶. Высокие чаши, с полусферическим туловом, высокими отогнутыми наружными венчиками и подчеркнутым переходом от тулова к венчику, а также бронзовые чаши с вогнутым дном, высоким, косо поставленным венчиком, весьма характерны для урартских форм, и не исключена возможность, что на их основе выработались некоторые типы сосудов ахеменидского времени.

Тб. 4. Профили чаш (Джрарат).

Так тип красной чашки из Кармир-блуря совпадает по своим общим формам с Джраратскими и его следует признать их прототипом (тб. 7, I). Б. А. Куфтин, говоря о таких сосудах, отмечает, что в Грузии они продолжали существовать до начала нашей эры. Возможно показать живучесть этого типа и на территории Армении. В 1956 г. в одном из каменных ящиков Гарни была обнаружена чаша*, которая по составу глины, по цвету ангоба перекликается с керамикой первых веков н. э., но по своей форме является дальнейшим развитием Джраратских чаш (тб. 7, III). То же выпуклое дно, высокий отогнутый наружу венчик, подчеркнутый переход от дна к

⁴⁴ См. Раскопки Г. О. Розендорфа близ г. Елизаветполя и селения Еленендорфа: Отчеты археологической Комиссии 1903, стр. 92—99. Раскопки В. Н. Скиндера, А. Спичин. Некоторые закавказские могильники, Известия Археологической комиссии, Выпуск 29-й, 1909, стр. 6, 15—17, рис. 64, 65; Я. И. Гуммель, Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 149—160, рис. 6, Т. С. Пассек, «Джафарханский могильник», Вестник Древней истории, 1946, № 2, стр. 177—179, рис. 13.

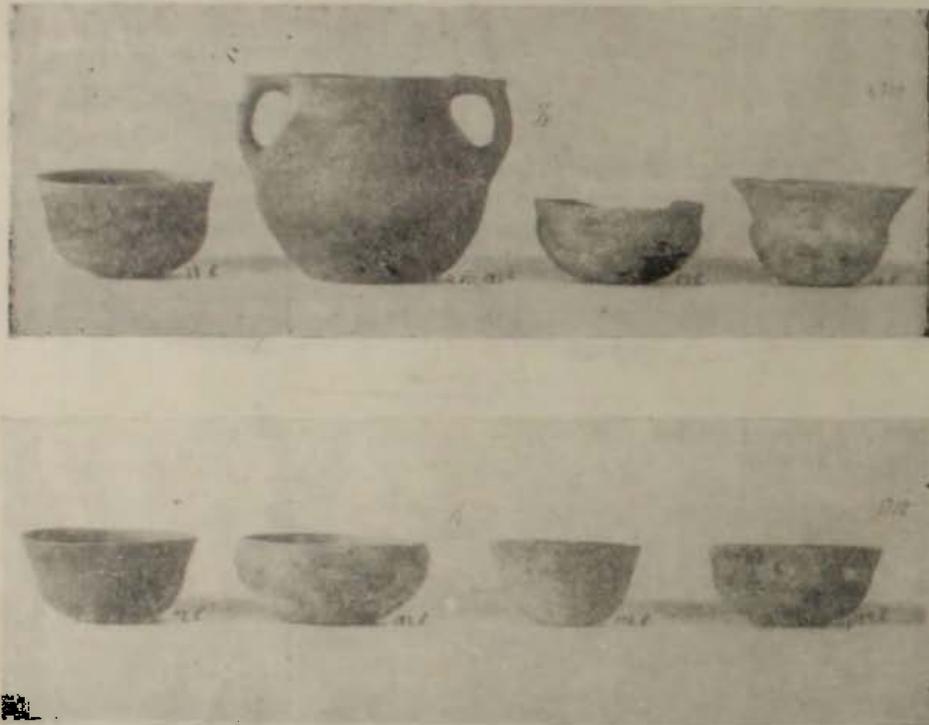
⁴⁵ Morgan, ук. соч., рис. 1.

⁴⁶ Persepolis, II, тб. 68.

* Чашу любезно предоставил нам Б. Н. Аракелян.

венчику. В центре дна имеется полусферический выступ, который лишний раз свидетельствует о связях между формами металлической посуды с керамикой. Как известно, металлические чаши-фиалы имели также центральный полусферический выступ, который назывался омфалом и весьма интересно, что он имеется и на глиняных сосудах.

Рассмотрев весь материал, мы убедились в том, что он своими корнями уходит в глубь предшествующих более ранних культур. Каждая группа предметов с полной очевидностью связывается с материальной культурой эпохи бронзы и особенно эпохи железа. На ряде конкретных случаев удается показать, как тот или иной предмет явно перекликается с предметами более ранних периодов. Некоторые предметы не повторяют целиком предшествующие формы, но со всей очевидностью вытекают из них (тб. 6, 7).

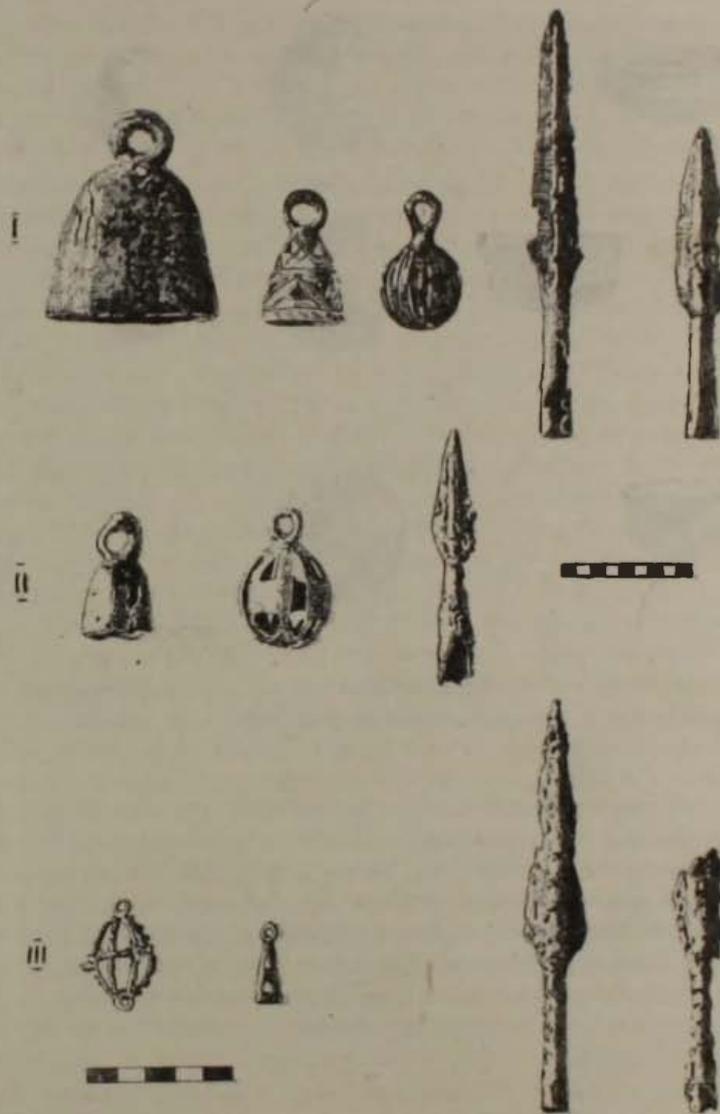
Тб. 5. Керамическая посуда (чаши) (Сырцовые могилы около Кировабада).

Одновременно, материал каменного ящика из Джрарата выявляет ряд черт, которые не совместимы уже с материалами ранних эпох.

Среди металлических и керамических вещей, особенно среди предметов украшения, имеются такие, которые заставляют датировать материал более поздним временем. Браслеты с выгибом, кувшины, чаши, стеклянные бусы позволяют датировать весь комплекс V—IV вв., вернее всего V в. до н. э. С этой точки зрения, инвентарь Джраратского погребения дает первое представление о нескольких отраслях материальной культуры древней Армении VI—IV вв. до н. э.

Являясь органическим продолжением материальной культуры эпохи широкого освоения железа, оно обогащает наши знания преимущественно по линии местного характера материальной культуры рассматриваемого времени. До вовлечения в научный обиход материалов Джраратского могильника, наши представления о ней были односторонними постольку, поскольку учитывались в основном материалы с ахеменид-

ским обликом, находящие хождение среди верхушки населения⁴⁷. Значение Джраратского погребения состоит не только в том, что оно помогает охарактеризовать материальную культуру данного периода. Во время изложения мы неоднократно увидели как та или иная форма переходит в последующие века (Гарни) (тб. 6, 7). Учитывая вышеуказанное, можно со всей уверенностью сказать, что археологический материал из Джрарата является одним из связывающих звеньев между культурой широкого освоения железа и армянской эллинистической культурой.

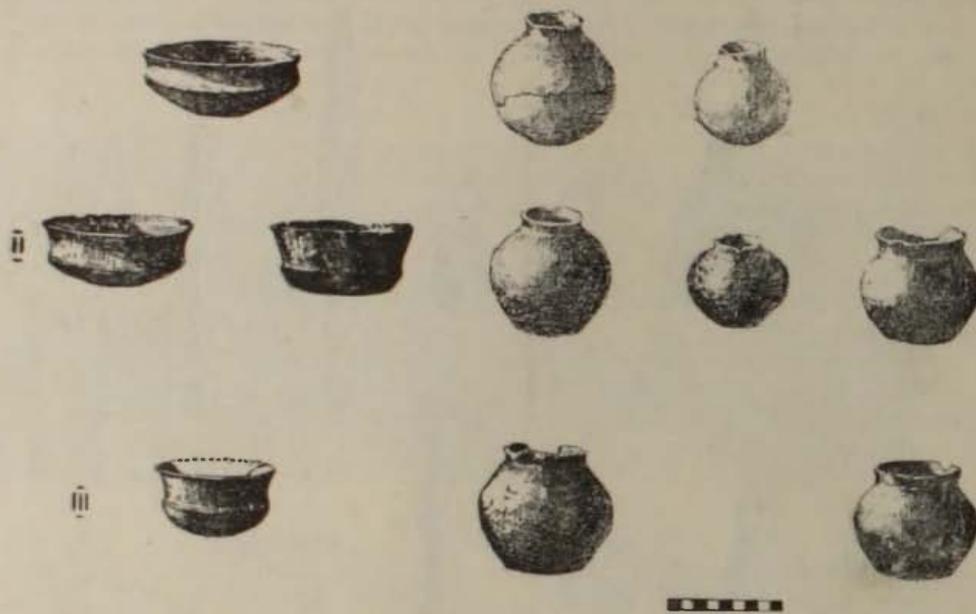
Тб. 6. Наконечники копья и колокольчики. (I. Эпохи широкого освоения железа (Кармир-блур, Севан, Головино), II. V—IV вв. до н. э. (Джрарат), III. Первые века н. э. (Гарни)).

Переходя к вопросам погребального обряда, в первую очередь следует отметить, что речь идет о коллективном захоронении. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает значение рассматриваемого каменного ящика, но предоставляемые на этот

⁴⁷ Г. Тирацян, Опыт периодизации материальной культуры древней Армении, «Известия» АН АрмССР, 1957, № 2, стр. 77—82.

счет данные неудовлетворительны и не позволяют пока коснуться вопроса социал-экономического порядка.

После ознакомления с материалом можно утверждать, что речь идет о рядовых захоронениях. Нельзя было провести какую-нибудь дифференциацию также с точки зрения расположения трупов. Большинство скелетов находилось в сильно разрозненном виде, только некоторые из них были найдены в скорченном положении.

Таб. 7. Чаши и горшки. (I. Урартского времени (Кармир блур), II. V—IV вв. до н. э. (Джрарат), III. Первые века н. э. (Гарни)).

Ясно, однако, то, что тут продолжают традиции коллективного захоронения эпохи бронзы и железа, которые в рассматриваемой эпохе совмещаются с индивидуальными погребениями (Бешташени, Кармир-блур, Нерон-Дереси). Продолжение древней традиции видно еще на примере применения ковчега, встречавшегося в одном из погребений VIII—VII вв. из Басаргечара⁴⁸. Коллективные захоронения встречаются в большом количестве в Севанском бассейне. Интересное погребение было раскрыто А. О. Мнацаканяном в Головино, которое содержало 18 рядовых захоронений и датировалось VIII—VII вв.⁴⁹ В таких случаях принято говорить о погребениях членов большой семьи или вообще о сородичах.

Наконец, несколько слов об исторической среде, в которой можно будет найти место Джраратского погребения. Многочисленные вопросы истории армянского нагорья в послеурартский период (VI—IV вв. до н. э.) еще не выяснены. Это особенно касается его восточных частей, история которых слабо отразилась в освещающих рассматриваемый период письменных источниках. Данные письменных источников сводятся к следующим выводам. После падения урартского государства на армянском нагорье политическая гегемония перешла в руки армянских племен, которые создали

⁴⁸ А. О. Мнацаканян, «Археологические находки в селении Басаргечар», КСИИМК, Вып. 60, 1955.

⁴⁹ А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у села Головино, КСИИМК, 1952, Вып. 46.

свое царство⁵⁰. Как видно из данных, «Киропедии» Ксенофонта, армянское царство VI в. до н. э. представляло собою единую страну, которая с юга и юго-востока граничила с Мидией, а с севера и северо-запада с халдайскими племенами (кн. II, гл. 1; 6, кн. II, гл. 4; 16, 20, 24, кн. III, гл. 1, 34, кн. III, гл. 2, 1, 4). Можно предположить, следовательно, что армянская страна включала истоки Тигра, бассейн Ванского озера, долину Восточного Евфрата (Арацани) до гор Высокой Армении и Понта, т. е. основные территории Урартского государства. Ахеменидам удалось уничтожить это царство, которое было превращено в одну из сатрапий империи. В связи с административными реформами Дария, около 500 г. до н. э., армянское нагорье разделяется между двумя, XVIII и XIII сатрапиями⁵¹. XIII сатрапия включала в основном территорию Армении VI века, XVIII сатрапия, в состав которой по свидетельству Геродота (книга III, гл. 94) входили алародии, саспейри и матиены—по всей вероятности, была расположена в восточных частях нагорья и в прилегающих к ней районах, т. е. охватывала участки восточнее среднего течения Аракса, долину реки Куры и приурмийские области⁵².

Экономическим центром этой сатрапии возможно была Айратская равнина, славящаяся со времени энеолита и бронзы высоко развитым сельским хозяйством. Археологические работы, которые ведутся на холме Арин-берд (Еребуни), у юго-восточных окраин Еревана, выявили материалы, относящиеся по предложению Б. Б. Пиотровского к ахеменидскому времени, к V в. до н. э. (колонный зал, перекликающийся с иранскими ападанами, наконечники стрел, удила и керамика послеурартского периода, а также милетские монеты первой половины V в. до н. э.). Вышеупомянутые некоторые обстоятельства позволяют предположить, что в ахеменидское время Арин-берд (Еребуни) представлял собой место пребывания сатрапа, являясь одним из центров XVIII сатрапии⁵³. По всей вероятности, Джраратское погребение входило в указанную территориальную единицу (XVIII с.). Анализ материала, однако, показывает, что он не очень вяжется с подчеркнута ахеменидским обликом центра—Арин-берд. Как было сказано, в Джрарате преобладают элементы местной культуры. То же самое наблюдается при ознакомлении синхронных материалов из Бешташени, Нерон-Дереси, Мингечаура, Кармир-блур (город). Это все рядовые погребения, которые мало отражают элементы ахеменидской культуры, проводниками которой в среде верхушки общества на восточных окраинах армянского нагорья и на сопредельных территориях были Арин-берд и раскопанная в последние годы И. Наримановым⁵⁴ крепость ахеменидского облика на холме Сари-тепе (около современного города Казах)—административно-экономические и военные центры сатрапии. Входящая же, по всей вероятности, в эту же единицу вторая группа предметов (Казбекские, Ахалгорийские, Алгетские) имеет прямое отношение в верхушке общества и своим обликом теснейшим образом связана с ахеменидским культурным миром. На это обстоятельство не раз обращалось внимание. Ознакомление с результатами раскопок главнейших центров ахеменидской империи, а именно двух столиц—Персеполя и Суз, еще больше подкрепляет нас в этом. Особенно интересны на наш взгляд вещи, найденные на Персепольской террасе, разбросанные среди руин ахеменидских дворцов. Они часто представляют собою убедительные аналогии главным образом для второй группы предметов, раздобытых из вышеупомянутых местностей Закавказья. Их значение возрастает, если учесть, что они подлежат довольноно

⁵⁰ См. И. М. Дьяконов, «История Мидии», стр. 33—34, 42—44, 350—356.

⁵¹ См. И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 340, 343.

⁵² И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 355—356, а также Г. Тирацян, Ервандиды в Армении, Известия АН АрмССР, 1958, № 6, стр. 62.

⁵³ См. Г. Тирацян, ук. соч.; его же «Колонный зал на Арин-берде и вопрос сатрапских центров на армянском нагорье». (на арм. языке), Известия АН АрмССР (Общественные науки), 1950, № 7—8, стр. 99—114, и К. Л. Оганесян, «Раскопки урартского города Эребуни», «Советская Археология», 1960, № 3, стр. 289—296.

⁵⁴ «Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане», «Советская Археология», 1960, № 4, стр. 162—164.

точной датировке, так как Персеполь основан около 510 г. до н. э. и был разрушен в 320 г. до н. э. войсками Александра Македонского.

На Персепольской террасе были найдены подносы и прочая посуда из камня с ручками в виде голов и шей птиц. Так, например, сосуд с надписью Ксеркса снабжен 12 ручками в виде лебединых голов⁵⁵, а прямоугольной формы поднос имеет ручки в виде двух пар лебединых головок на длинных изогнутых в виде буквы S шеях, между которыми расположена пальметка⁵⁶. Еще Контепо обратил внимание на сходство этого мотива с узорами на Казбекской чаше⁵⁷. Это довольно распространенный в ахеменидской материальной культуре мотив, так как из Суз происходит браслет с концом в виде головы утки или лебедя⁵⁸. Установление такого сходства имеет немаловажное значение. Казбекская чаша одними относилась к финикийскому или сирийскому кругу (Перро-Шиппе), к Сирийскому, Ассирийскому—Малоазийскому кругу (Тальгрэн), к сирийскому-эллинистическому (Калитинский). Вышеупомянутые сопоставления⁵⁹ делают еще правдоподобнее мнение Я. И. Смирнова об отнесении этой чаши к Ахеменидскому кругу⁶⁰. Тем самым имеется возможность датировать чашу (но не клад) с большей уверенностью V в. до н. э., учитывая, кстати, наличие надписи Ксеркса на одном из интересующих нас сосудах⁶¹.

Среди Ахалгорийских и Алгетских вещей имеется интересная коллекция цельно-металлических перстней-печатей с вырезанными на щитке сюжетами, отображающими мотивы ахеменидского искусства. Очевидно, такого же типа перстни раздобыты из грунтовых погребений с вытянутым костяком из Мингечаура, датированных IV в. до н. э.⁶² Такие же предметы раздобыты во время раскопок Персепполя и в Сузах⁶³ и они представляют собою весьма приемлемый материал для аналогии к перстням с территории Грузии⁶⁴. Совпадают при этом не только сами перстни, их формы, но и изображения. Например, смотрящий назад грифон имеется на перстне из Ахалгори⁶⁵, а также на конической форме каменной печати из Персепполя⁶⁶. Нет сомнения, что отмеченные сближения еще больше убедят нас в правоте датировки Я. И. Смирновым Ахалгорийского клада ахеменидским временем и продемонстрируют еще раз всю несостоятельность предположенной А. М. Тальгреном более ранней хронологической фиксации. В своей рецензии на неоднократно упоминаемую работу Смирнова, Тальгрэн датировал клад VII в., относя к кругу мидо-ассирийского искусства⁶⁷. Наконец, следует упомянуть обломки стеклянной чаши из Персепполя с рельефной розеткой на дне, из лепестков и выпуклин бутонов овальной формы⁶⁸. Она наводит на память прекрасную чашу из стекла, раздобытую Куфтиным в Триалети⁶⁹. Та же комбинация лепестков и бутонов, с той разницей, что они тут более узкие и остроконечные, а там лепестки имеют конец с выгибом во внутрь и снабжены еще маленькими цветками. Этими своеобразиями

⁵⁵ Persepolis II, тб. 53, рис. 1.

⁵⁶ Там же. рис. 2.

⁵⁷ G. Contepo, „Manuel d'archéologie Orientale“, Paris, 1947, т. IV, стр. 2258.

⁵⁸ R. Ghirshman, ук. соч., тб. XIX, 12, и тб. XVI, G. S. 2191.

⁵⁹ См. еще на этот счет Persepolis II, стр. 88.

⁶⁰ Восточное серебро.

⁶¹ Persepolis, II, стр. 88.

⁶² См. К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре древней Албании, Ленинград, 1959, стр. 63.

⁶³ Persepolis, II, тб. 17, 18, 19 и R. Ghirshman ук. соч. тб. XIX, 2,3 и тб. XVII.

⁶⁴ См. Я. И. Смирнов, Ахалгорийский клад, тб. III, 29, X, 28 и Б. А. Куфтин, ук. соч., тб. XI, алгетские перстни.

⁶⁵ Смирнов, ук. соч., тб.

⁶⁶ „Persepolis“, II тб. 18, Pt 7, 368.

⁶⁷ См. „Eurasia Septentrionalia antiqua“, X, Helsinki, 1936, стр. 264—266.

⁶⁸ Persepolis, II, тб. 67.

⁶⁹ Алгетский клад, ук. соч., тб. VIII.

Персепольский сосуд больше приближается к одной из металлических чаш из Ахалгори⁷⁰.

Отмеченные параллели между предметами из Персеполя и Суз, с одной стороны, и предметами из кладов Закавказья, с другой стороны, позволяют с еще большей уверенностью установить хронологическую фиксацию последних. Вместе с тем, они лишней раз выявляют связи с ахеменидским культурным миром.

Таким образом, анализ материала из Джрарата и привлечение некоторых результатов археологического изучения территории Закавказья недвусмысленно говорит о наличии двух типов материалов, указывающих на дифференциацию общества на данной территории в рассматриваемое время. В конечном итоге обрисовывается следующая предварительная картина материальной культуры XVIII сатрапии: Центры Арин-берд—Еребуни и крепость на холме Сары-тепе (около Казаха), вокруг которых группируются предметы с одной стороны рядового населения (Бешташени, Джрарат, Мингечаур, Нерон-Дереси, Кармир-блур), а с другой стороны, верхушки общества (Казбеки, Алгетн, Ахалгори).

⁷⁰ Я. И. Смирнов, ук. соч., тб. XI